

Татьяна Устименко

Звезда моей любви

Лучшая дорога та, по которой идешь ты!

Татьяна Устименко

**НЕВЕЗУЧИЕ
БОГАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ
ВТОРОЕ ПРОРОЧЕСТВО**

Цикл «Хроники Рыжей»

**СУМАСШЕДШАЯ ПРИНЦЕССА
ЛИЦО ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ
ПРИНЦ ДЛЯ СУМАСШЕДШЕЙ ПРИНЦЕССЫ**

Цикл «Экзорцисты»

**ДОЧЬ ГОСПОДНЯ
ЭРА ЗЛА**

Цикл «Звезда Блентайра»

**ЗВЕЗДА МОЕЙ ДУШИ
ЗВЕЗДА МОЕЙ ЛЮБВИ**

Татьяна Устименко

Звезда моей любви

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

*Всем моим читателям, мечтающим зажечь Звезду
своей любви и расправить сложенные за спиной крылья...*

ПРОЛОГ

Смутно виднеющийся за занавесками Сол уже начинал клониться к закату, и вся комната оказалась расчерчена причудливой игрой изломанных световых полосок, чередующихся с постепенно удлиняющимися тенями. В кресле-качалке, уронив голову на грудь и залиvisto похрапывая, беззаботно дрых Беонир. Светлые пряди длинных волос почти полностью скрывали изможденное лицо ниуэ, но я изловчилась и, изогнувшись, смогла разглядеть счастливую улыбку, блуждающую на его губах. Юноше явно снилось что-то очень хорошее.

Мне же не давали спокойно уснуть две вещи: голод и размышления о перспективах на ближайшее будущее. В животе моем, согласно излюбленному определению брата Флавиана, «кишка кишке била по башке». С этой проблемой я разобралась самым простым способом — самовольно пошарила по уже знакомым полкам, нашла зачерствевшую половинку черного каравая и, отломив от нее кусочек, слегка перекусила. Остальной хлеб я решила оставить для ниуэ, который тоже вскоре должен был проснуться.

Решить вторую проблему было гораздо сложнее. Меня очень тревожила мысль о предстоящем путешествии в компании лайил и ниуэ. Столь оригинальное соседство имеет свои плюсы, но и минусов — тоже предостаточно. Вопрос с питанием Ребекки я с грехом пополам решу, но что я буду делать с Беониром, если спонтанно проявятся неприятные черты его характера или иные специфические свойства нечеловеческой природы? Это грозит доставить массу досадных хлопот, особенно если учесть завидную физическую силу ниуэ. Что же предпринять?..

В итоге любопытство оказалось сильнее меня, и, отбросив

вполне понятные колебания, я в очередной раз пошла на поводу у своих эмоций, полностью подавивших голос разума. Эх, где наша не пропадала!.. Решено: отправлюсь в путь вместе с Беониром и Ребеккой, а там — будь что будет! Придя к такому выводу, я заметно успокоилась.

Когда юноша проснулся, я дружелюбно протянула ему остатки еды и спросила:

— Беонир, а как далеко отсюда до Зачарованного берега?

— Ну, лошади, говорят, за три-четыре дня добираются, но нам вроде бы такие удобства не грозят? — Он весело кивнул мне, со скрежетом откусывая от засохшей горбушки.

— Лошади говорят? — Я доверчиво приоткрыла рот. — Ты понимаешь их язык?

— Нет! — рассмеялся юноша. — Это люди утверждают, будто на лошади за три-четыре дня можно добраться до побережья.

Он проглотил хлеб и невозмутимо продолжил:

— Значит, у нас на дорогу до моря уйдет минимум неделя. Впрочем, разве Ребекка не призналась, что знает самый короткий путь от Блентайра до побережья? К тому же нам очень повезло с сезоном, ведь весна — самое подходящее время года для таких вот далеких прогулок.

— Пожалуй... — задумчиво согласилась я, наблюдая за тем, как он медленно и с наслаждением пережевывает каждый кусок. Наконец, отважившись, спросила: — Беонир, а каково это?

— Что именно?

— Быть получеловеком-полусобакой?..

— Кх-м... — Юноша поперхнулся крошкой и закашлялся. — Такое сложно объяснить, Йона, такое нужно испытать на собственной шкуре... Иногда, в полноуние¹, мы вообще перестаем ощущать себя людьми. Все доброе и справедливое, что таится в наших душах, бесследно уходит куда-то, а на месте человека появляется зверь — жестокий и голодный. Находясь в фазе трансформации, мы способны наброситься и растерзать любого, даже самого дорогого для нас человека. Поэтому мы и предпочитаем жить в подземельях, как можно

¹ П о л н о у н и е — фаза Уны, при которой она находится в противоположном от Сола направлении и видна с Земли как полный диск.

реже выходя на поверхность, ибо воздействие Уны, ослабленное толщей земли, не столь губительно для нас.

— И вы прячетесь в подвалах одни, — невольно ужаснулась я, проникаясь искренним сочувствием к тяжелой доле ниуэ, — беззащитные перед лицом своей беды?

— Так проще. — Юноша обреченно пожал плечами и печально улыбнулся. — Там мы никогда не убиваем друг друга, только воем... Но этого никто не слышит, ведь подземелья слишком глубоки. Предупреждаю тебя, малышка, держись от меня подальше в то мгновение, когда...

Беонир неожиданно вскочил, схватился за голову и горестно застонал.

— Какой же я идиот! Я не могу пойти с вами! Полноуние настигнет меня в пути, и тогда никакая в мире сила не сможет удержать меня от желания убивать. Да я же вас... — С этими словами он отшатнулся в угол и виновато закрыл лицо руками, отдаваясь своему горю и стыду.

Переполненная состраданием, я жалостливо протянула руку, намереваясь хоть как-то облегчить его душевную муку, но в этот момент хлопнула входная дверь и на пороге хибарки появилась вернувшаяся откуда-то Ребекка. Воительница криво ухмыльнулась, усиленно пытаясь принять обычный нахальный вид, но я сразу заметила грустную морщинку, перерезавшую лоб лайил, едва она увидела скорчившегося в углу Беонира. Похоже, прежде высокомерная и задиристая, лайил сильно изменилась за последнее время: она научилась сопереживать чужой боли и стала более человечной. Что уж говорить о мягком по натуре юноше, безмерно напуганном одной лишь мыслью о возможности случайно причинить мне вред? М-да, похоже, этот совместный поход в подземелье повлиял не только на меня. А что касается жизненных принципов и личной системы ценностей — только дураки отказываются что-либо менять в своем мировоззрении.

Впрочем, Ребекка быстро справилась с эмоциями и капризно заломила бровь, как бы говоря: «Я ни за что не пойду на уступки коварной судьбе». Она демонстративно тряхнула длинной цепью, зажатой в руке, и нахально заявила:

— Я всегда знала, лохматый, что ты — недотепа! — Воительница горделиво вступила в комнату, картинно бренча тя-

желенными железными путами. — Вот, глянь, я с трудом добыла для тебя привязь.

— Но ты же его не прику... — Я подавилась последним словом, подумав, что Беонир может расценить его как оскорбление, и в ужасе уставилась на толстые звенья.

— Еще как прикую! Даже не сомневайся! — Девушка швырнула цепь на кровать. — Он же повесится потом, если съест нас ненароком. К тому же я планирую вернуться из этого странного предприятия непокусанной и не страдающей заиканием или энурезом.

— Тебе дали отпущк? — Юноша смотрел на нее сияющими глазами. Похоже, для него цепь, как ни парадоксально это звучит, означала свободу и счастье.

— Ага, дали, чтоб их мантикора три раза переварила! — без особого энтузиазма в голосе призналась лайил.

При этом она плотнее запахнула ворот плаща, но мы с Беониром успели заметить большой синяк, уродливо расплывшийся на ее щеке чуть выше левой ключицы. Я приоткрыла рот, собираясь озвучить некую неприятную мыслишку, гвоздем засевавшую у меня в мозгу, но воительница одарила нас весьма многозначительным взглядом, словно «ласково» посоветовав не задавать глупых вопросов. Ниуэ, не найдя под ногами ничего, что можно было бы пнуть, в сердцах ударил кулаком по стене. Пустые миски на полке протестующе звякнули, но Ребекка искусно притворилась, будто не обратила на этот взбешенный выпад ни малейшего внимания.

— Думаю, надо выходить прямо сейчас. Это тебе, лохматый! — Она бросила юноше в руки цепь и какой-то изрядно потрепанный, скрученный в трубочку свиток. — Следи, чтобы мы не заплутали в вереске, а не то я тебя сама сожру, причем сырым, без соли и перца. И не зыркай на меня так страшно...

— Боишься, как бы я снова тебя не сглазил? — наигранно хмыкнул юноша, сильно сжимая кулаки и впиваясь ногтями в ладони. Несколько капель крови упали на пол, но именно благодаря этому титаническому усилию ему удалось наконец-то взять под контроль свои чувства и отвлечься от мыслей о странном внешнем виде Ребекки.

— А вот фиг тебе, уже не боюсь! — Воительница небрежно

повела плечом, игнорируя неудачную шутку. — И вообще, если вы опасаетесь, что вас сглазят — постучите по дереву, а если поблизости нет ничего деревянного — то по башке своего глазливого оппонента. Надеюсь, мой намек услышан и понят?

Не знаю, как понимать это жуткое синее пятно на шее у Ребекки, но настроение у лайил просто ужасное...

Беонир, тоже верно оценивший состояние своей возлюбленной, смиренно присел на краешек кровати и развернул свиток. На внутренней стороне были изображены карты, причем очень красочные и нарисованные с большим мастерством.

— Смотри первую! — негромко подсказала лайил, внимательно наблюдавшая за действиями ниуэ.

Немного поизучав принесенные девушкой листы плотной вощенной бумаги, ниуэ уверенно выбрал один из них, а остальные скатал обратно в рулончик.

— Ты абсолютно права. Именно эта карта поможет нам добраться до Зачарованного побережья за неделю, а то и быстрее — конечно, лишь в том случае, если мы выступим в путь сегодня же! — Голос юноши утратил привычную мягкость и звучал хрипло и сурово.

— Надо запастись водой. Колодцев вдоль дороги может и не быть, ибо Пустошь подступила слишком близко к городу, — напомнила лайил.

— Как это? — Я удивленно распахнула глаза. — Совсем?

— Так болтают в городе. Может, эти слухи и врут, кто знает... — Воительница почти по пояс зарылась в сундук и извлекла оттуда три пыльные фляги. — Но подстраховаться не помешает.

— Что с едой? — поинтересовался ниуэ, не отрывая взгляда от карты, словно этот вопрос его не очень-то интересовал. Но, по-видимому, он просто избегал смотреть на Ребекку.

— По пути заглянем в пекарню и к мяснику. Если повезет, то он продаст нам вяленое мясо по цене сырого.

— Разве вяленое — дороже? — Я в очередной раз продемонстрировала полную неосведомленность в бытовых вопросах.

— Конечно, глупышка. — Ребекка как-то натянуто хи-

хикнула и шелкнула меня по носу. — Оно и хранится дольше, и готовить его уже не надо. Вот только тут есть одна загвоздка...

— Какая? — не поднимая головы, делано безразличным тоном осведомился ниуэ.

— Деньги, — виновато сообщила девушка. — Отпуск-то мне дали, а вот оплатить отработанные смены отказались.

— Да ну? — бурно встрепенулся ниуэ, и его хмурое лицо немного прояснилось. — Тебе не заплатили ни гроша, даже медного арани не дали?

Воительница, почувствовав себя в неловком положении, сердито засопела. Ведь всегда стыдно признаваться, что тебя, такую умную и сильную, облапошили по полной программе!

— Деньги — это тупик! — мрачно буркнула она.

— Да. Потому что именно в них все и упирается! — звонко захохотал Беонир. — Тьма, наша жизнь зиждется на таких мелочах...

Не понимая причины неприкрытого ликования Беонира, я сняла с плеча сумку, добытую в эльфийском Лазарете, и вывалила из нее с десятков золотых риелей. Звонко постукивая по полу, монеты весело раскатились вокруг ног оторопело замерших ниуэ и лайил.

— На этих мелочах? — невинно уточнила я.

— Откуда? — с подозрением спросила отмершая воительница. — Йона, такие тьмущие деньжищи в Блентайре просто так на дороге не валяются...

— Жуткая сумма! — восторженно ахнул Беонир.

— В Блентайре, может, и нет, — скромно призналась я, — зато в Библиотеке — да, валяются. Я нашла их в одном из ларей и сложила в сумку, благо она бездонная!

— Вот почему она так заметно оттягивала твое плечо! — Лайил восхищенно хлопнула себя ладонями по бедрам. — Ай да наивная малышка Йохана, чего учудила! А я-то все думала, что ты от усталости вбок клонишься!

— Значит, — я нервно сглотнула, предчувствуя приближение своего второго испытания, — нам пора выступать в путь?

Беонир с Ребеккой переглянулись и согласно кивнули.

Часть первая ЗАЧАРОВАННЫЙ БЕРЕГ

ГЛАВА 1

Помнится, Ребекка зарекалась ходить куда-либо еще в компании Беонира, но сейчас она предпочла демонстративно позабыть про данное ею обещание и с готовностью возглавила наш новый поход. Визиты к пекарю и мяснику прошли без единой заминки. На Беонира, опустившего капюшон своего нового плаща до самого подбородка, никто даже не взглянул — мало ли странных личностей шляется по городу. Зато Ребекке, нарочно распахнувшей и расстегнувшей все, что можно, улыбались и зазывно подмигивали. В итоге мы приобрели за половинную цену несколько караваев свежее испеченного хлеба, а доставшееся нам вяленое мясо оказалось мягким и отменно приготовленным.

Мы почти не общались между собой, благоразумно наслаждаясь неплохим началом нового пути и одновременно размышляя каждый о своем. Следуя совету воительницы, мы выбрали главный торговый тракт, покинув столицу через северные ворота. Нас беспрепятственно выпустили за городскую стену, мельком взглянув на наши крепкие, но совершенно непритязательные плащи, начисто лишенные хоть какой-нибудь, пусть даже самой скромной отделки и вышивки. В Блентайре любят показуху, чрезмерно гордятся благородным происхождением и титулами, а потому никогда не упускают возможности щегольнуть родовым гербом. А тут и глазу-то зацепиться не за что.

Начальник стражи, фатоватый молодой сьерр, презрительно оттопырив пухлую нижнюю губу, проигнорировал мою хрупкую фигурку, очевидно, приняв меня за мальчика. Зато вульгарно обшарил сальным взглядом водянисто-серых глаз

красивые формы Ребекки, не вымолвив при этом ни словечка. Видимо, природа не обделила его сообразительностью, или же он просто вовремя заметил рукояти двух акинаков, угрожающе выглядывающих из-за плеч девушки.

Я плотно завернулась в свежеприобретенный походный плащ, достаточно широкий, чтобы скрыть все мое имущество. Боюсь, если бы начальник стражи имел возможность подробнее разглядеть детали моего снаряжения, то его показное безразличие мгновенно сменилось бы бурным интересом. И на то имелись веские основания. На моем правом бедре плавно покачивался меч Лед, а левый бок украшал эльфийский стилет. Застегнутый до верха ворот рубашки скрывал четыре бесценные жемчужины и Звезду моей души, один из лучей которой светился ярким серебристым светом. Жаль, но остальные пять лучей хрустального артефакта пока оставались прозрачными и пустыми. А мне так не терпелось наполнить и их тоже! На моем плече висела сумка мага Лаллэдрина, скрывающая три найденных в Библиотеке предмета: кувшинчик, ключ и овальный футляр.

Возможно, слишком самонадеянно с моей стороны пытаться бросить вызов всесильной судьбе, располагая при этом столь незначительной кучкой раритетов, призванных способствовать достижению поставленной цели. Но, если поразмыслить, разве не приходим мы во враждебный мир голыми и босыми, не имея при себе ничего? Полагаю, мое нынешнее состояние вполне могло считаться началом осознанного процесса познания самой себя, ибо, покидая Блентайр, я намеревалась начать новую жизнь, вступив на путь испытаний и свершений. Я будто бы рождалась заново.

Выйдя за северные ворота, мы сбавили шаг, потому что неудержимо надвигающаяся ночь принесла с собой холод и темноту. Мчаться по дороге сломя голову, торопясь продолжить путешествие, в подобных условиях стало не только бессмысленным, но и весьма опасным занятием. По узким коридорам подземелья мы пробирались цепочкой, теперь же — шли в ряд. Временами лайил вырывалась вперед, словно стремилась как можно скорее покинуть город. От чего или от кого она бежала?..

Около полуночи, когда стены Блентайра полностью

скрылись из виду и остались далеко позади, мы решили устроить привал. Посоветовавшись, отказались от заманчивой идеи разжечь костер, хотя вокруг нашлось немало сухих вересковых веток, и скромно удовольствовались сомнительной защитой своих плащей. Ребекка рассказала, что примечательность этого тракта — с особой жестокостью орудующие разбойники, а разведенный на обочине костер неизбежно привлечет их внимание. Поэтому мы хоть и щелкали зубами от холода, тем не менее мужественно терпели ночной заморозок, а мясо из своих припасов ели холодным, запивая водой из фляг. Наломав хворосту, мы устроили из него не очень-то комфортное ложе и, сбившись в кучку и обнявшись, попробовали заснуть.

Зажатая между Ребеккой и Беониром, я немного согрелась, но неизвестно откуда взявшаяся бессонница будоражила мои мысли, вынуждая лежать с открытыми глазами и бестолково тарашиться в усыпанное звездами небо. Странно, но здесь, за пределами Блентайра, они показались мне куда более крупными и чистыми, чем те, что просматривались с городских крыш и куполов. Ритм жизни, лишенный суеты и кутерьмы, создаваемой людьми, замедлился и приобрел некую размеренность. Слобно прозрев от ментальной слепоты, я начала понимать: окружающая действительность есть не что иное, как вещественное отображение генерируемых людьми помыслов. Очисти душу от бестолковых, надуманных переживаний, таких как корысть, зависть и лицемерие, и твое существование неизбежно перейдет на качественно иной, более совершенный уровень бытия, наполнится теплом созидания и светом мудрости. Мы сами строим свою жизнь, но и портим ее, увы, тоже сами. Мы самостоятельно куем свое счастье. А если ты не способен сделать счастливым себя, то разве ты можешь что-то предложить другим?

— Ребекка, — заикаясь от холода, тихонько спросил Беонир, прижимаясь ко мне всем телом и заботливо укрывая полый своего плаща, — а ты что делаешь, если не можешь заснуть?

— Считаю, — снисходительно хмыкнула воительница, со своей стороны точно так же укрывая меня и обнимая за талию. — До трех...

— Как? — недоверчиво изумился ниуэ. — Всего лишь до трех?

— Иногда до полчетвертого, — поддразнивающе рассмеялась лайил. — Ночи.

Их положенные на меня руки случайно соприкоснулись... Девушка и юноша конфузливо отдернули пальцы, словно обжегшись, и замолчали. Согретая их телами, я незаметно задремала.

Проснувшись я от холода. Нет, укрытая тремя плащами, я ничуть не замерзла, а, наоборот, вспотела, но вот мой высунутый из складок ткани нос ощутимо озяб, беспощадно покусанный крепким ночным морозцем. Мои спутники куда-то исчезли, но я отчетливо различала их голоса, доносящиеся из расположенного слева куста и звучащие все более раздраженно. Судя по всему, Ребекка и Беонир опять ссорились. Я не находила в этом ничего необычного, ведь их ежедневные перепалки давно уже стали привычным безобидным ритуалом. Хотя нет, сегодняшняя их разборка явно носила отнюдь не столь игривый характер. Заинтригованная и удивленная, я поневоле прислушалась к экспрессивному диалогу.

— ...тебе-то какое-дело, вот чего я никак не могу взять в толк! — Похоже, эти слова лайил произносила не в первый раз и с каждым повтором сердилась все сильнее.

— Почему ты не хочешь открыть мне правду и сообщить, как зовут твоего начальника? — Голос юноши звенел от отчаянного напора и нескрываемой горечи.

— А зачем тебе это знать? Тоже мне, выискался благородный защитник обиженных девиц! — Девушка фыркнула, на сей раз с откровенным презрением.

— Но какое он имел право...

— Заткнись! — категорично отрезала лайил. — Это мое решение, ясно?!

— Нет, теперь не только твое! — упрямо не отступал Беонир. — Оно теперь наше общее!

— Ха-ха-ха! — Ребекка сардонически расхохоталась. — Да у нас с тобой только блохи могут быть общими! Ты на себя посмотри, герой безмозглый! Вся твоя сила — в руках, но ни

один воин не станет дожидаться, пока ты к нему подойдешь. Один бросок кинжала — и твое тело упадет бездыханным. А о моем теле... О моем прошу впредь не беспокоиться, усек? Я сама себе хозяйка. И вообще, откуда ты знаешь, как все произошло, может, мне понравилось?

— Я придушу этого гада, когда мы вернемся в город! Он покусился на мое тело! — разъяренно зарычал ниуэ.

— На твое? — возмущенно взвизгнула Ребекка, и я услышала приглушенный стук. Скорее всего, он возник от соприкосновения крепкого лба юноши с не менее твердым комком мерзлой земли, запущенным меткой рукой воительницы. — Вот так тебе, собственник самопровозглашенный!

— Женщины с мягким характером бросаются в мужчин чем-нибудь мягким, например, подушками или тапочками, — страдальчески прокряхтел Беонир. — А женщины с твердым — твердыми: скалками, тарелками. У одной тебя характер не такой, как у всех баб, — у тебя он просто убойный!..

— Много ты обо мне знаешь, — немного обиженно парировала Ребекка. — И вообще, я еще не женщина, а девушка!..

На этом месте спор неожиданно оборвался, ибо Беонир вдруг радостно вскрикнул, после чего до моего уха долетели звуки многочисленных поцелуев.

— Я все равно не могу быть с тобой... — Голос девушки казался усталым и резко постаревшим. — Прости, но нас разделяет слишком многое, и эта тайна принадлежит не мне...

— Я понимаю, — печальным эхом откликнулся юноша. — Я хотел признаться тебе в том же самом, но забери меня Тьма, как же я сожалею сейчас об одном опрометчиво данном обещании...

Я смутилась и закуталась в плащи с головой, окончательно позабыв о сне. Теперь меня терзали странные мысли. Почему Беонир так взъелся на Ребеккиного начальника, если даже в глаза его ни разу не видел? Нет, похоже, причиной злости стала отнюдь не ее неполученная зарплата... Неужели это как-то связано с синяком на шее лайил? И при чем здесь чье-то тело? И наконец, какие секреты так сильно обременяют совесть Ребекки и Беонира? А в целом... В целом отношения между ними складываются не так уж плохо. Ведь если ниуэ думает, что Ребекка нужна ему больше, чем он ей, а лай-

ил, в свою очередь, думает о Беонире то же самое, значит, это любовь!

Ни одного мало-мальски приемлемого варианта ответов на свои вопросы я так и не нашла и под утро все-таки забылась крепким сном. Проснулась же я оттого, что с двух сторон надо мной склонились ниуэ и лайил и шепотом спорили, будить или нет их юную подругу. Причем юноша голосовал за побудку, а Ребекка, ласково улыбаясь распухшими губами, как-то вяло обвиняла его в черствости. На лбу у Беонира лиловел свежий круглый симпатичный синяк.

«Да уж, — подумалось мне, — после этого ночного разговора я бы на месте Ребекки уж точно не смогла упрекнуть его в черствости!» Тем не менее я быстренько встала, мигом умяла предложенный мне бутерброд, и наше путешествие продолжилось. Не знаю, чем руководствовались мои спутники, а меня вело все обостряющееся предчувствие, подсказывающее, что второе испытание приближается!

Таким образом, утро застало нас уже на ногах, а с наступлением дня воздух немного потеплел, внушая слабую надежду на приход припозднившейся весенней оттепели. До обещанных Ребеккой зарослей вереска оставалось еще несколько дней пути. А пока ничто не мешало нам наслаждаться пустым торговым трактом и расстилающимися по обе стороны от него безжизненными заброшенными полями. Полагаю, раньше эти места были более оживленными, но теперь дорога будто вымерла, и мы топали по ней в полнейшем одиночестве, постепенно привыкая к той странной ситуации, в которой неожиданно-негаданно оказались. Вышеупомянутые разбойники тоже пока никак не давали о себе знать. И правильно, ведь кого тут грабить-то?

Я с любопытством вертела головой, любуясь причудливо переплетенными ветками засохших придорожных кустов и сереющим над нами небом — плотным, гладким и немного вогнутым, словно перевернутая вверх дном чаша.

— Хорошо-то как, правда? — скорее не спросил, а жизнеутверждающе заявил Беонир.

Ребекка протестующе скривилась.

— Чего уж тут хорошего? — Она широко развела руки,

словно намереваясь разом обхватить и эти никому не нужные поля, и безликое небо. — Видишь, здесь же ничего нет! — В ее голосе прозвучало неподдельное страдание. — Раньше наш мир процветал, его наполнял аромат созревающих плодов, журчание воды и беззаботный птичий щебет. А сейчас, что осталось от него сейчас?

— Надежда! — уверенно заявила я.

Девушка пессимистично хмыкнула, а Беонир, который так и не нашел что ответить лайил, посмотрел на меня сияющими от восхищения глазами.

— Мы живы до тех пор, пока не сдались и не отступили! — вдохновенно продолжила я. — А наш мир, безусловно, стоит того, чтобы за него бороться!

— С кем? — упаднически спросила воительница, вяло роняя руки, напоминающие сейчас мертвые плети срубленного плюща. — Со временем, смертью и пустыней? Йона, я тебя, конечно, уважаю, но иногда сильно сомневаюсь в твоём душевном здравии... Выступить против богини Банрах — это же самоубийство!

— Но ведь мне уже приходилось сталкиваться со змееликой, и ничего, выжила! — корректно напомнила я.

Но Ребекка лишь удрученно покачала головой:

— Возможно, тебе просто повезло или так сложились обстоятельства. Но предупреждаю — однажды твоя удача иссякнет и ситуация повернется совсем по-другому. Богиня мстительна и злобна, она свое еще наверстает. Чтобы на равных бороться с нею, тебе нужно стать великой чародейкой, или... — Тут она задумчиво погладила рукоять своего меча. — Или искусной воительницей. Но, увы, воинами не становятся, ими рождаются. Поэтому постарайся побыстрее найти свое второе испытание и обзаведись еще парой-тройкой каких-нибудь полезных — например, боевых — заклинаний.

— А смысл? — весело откликнулась я. — Магия — не панацея и не сила, она всего лишь продолжение нашего разума и воли. Оружие бывает разным, но побеждает в бою все-таки не оружие, а воин! Поэтому, прежде чем стать чародейкой, я намереваюсь постичь суть истинных человеческих качеств: научиться дружить, верить, любить!

Воительница покраснела и резко отвернулась, словно я

произнесла нечто интимное или опасное, болезненно задевшее ее чувства.

— Правильно, — неожиданно поддержал меня молчавший до настоящего мгновения ниуэ. — Когда я был маленьким, то хотел стать Уравновешивающим. Это была моя самая заветная мечта.

Парень на ходу срывал с кустов засохшие листья, делал в них дырочки и смотрел на Сол сквозь эти неровные отверстия. Может, таким способом он пытался изменить окружающий мир?..

— Взрослые слишком поздно поняли, что им не следовало закрывать глаза на мои увлечения, а надо было как можно раньше спустить меня с небес на землю. Я мечтал стать обыкновенным человеком, понимаете — человеком! — Он пошевелил пальцами, словно раскаянно отмахивался от так и не воплощенных в жизнь планов. — Но у меня ничего не получилось.

— Вот почему ты так торжественно отзывался о сделках, которые заключает старый Сквалыга? — поинтересовалась Ребекка.

На протяжении всего этого дня она держалась с юношей не в пример вежливее, чем раньше, но теперь это скорее напоминало соблюдение неких неписаных правил, чем искреннее душевное расположение.

— Да. Уже сейчас они стали предметом изучения нескольких гильдий. Но, конечно, Сквалыга, — юноша иронично хмыкнул, — не дает частных уроков.

— А я не понимаю, почему ты не смог пойти в ученики к Уравновешивающим! — недоуменно нахмурилась я. — Почему гильдии не допускают вас к участию в церемонии выбора? В полноуние ты мог бы возвращаться обратно в подземелье...

— Эх, Йона, ну почему ты еще не глава Чародеев? — с грустью пошутил ниуэ. — Уверен, ты бы мигом исправила эту вопиющую несправедливость и разрешила ниуэ вступать в различные гильдии.

— Не обращай внимания на глупые высказывания этого недотепы! — Ребекка требовательно ущипнула меня за щеку,

стремясь отвлечь от грустных мыслей. — Ниуэ получили то, что заслужили.

— Как это? — насторожился Беонир. — А ну-ка, выкладывай все начистоту!

— Да пожалуйста! — Воительница снисходительно пожала плечами. — Вы разве позабыли о том, что я довожусь родной внучкой Финдельбергу Законнику? — Ее красивое лицо осветила горделивая улыбка. — Моему деду совсем не случайно дали столь благозвучное прозвище, ведь именно он окончательно утвердил за лайил их нынешние права. То есть сделал нас полноправными членами общества Лаганахара, во всем равными с людьми.

— Как же ему это удалось? — Я изумленно округлила глаза. — Наверное, он совершил какой-то беспрецедентный подвиг?

— Нет... — Тут девушка смущенно кашлянула. — Просто мой дед отличался редкостным везением... ну и потрясающей хитростью, конечно, тоже... — Ее глаза виновато бегали по сторонам. — Хотя лично я склонна считать его не ловкачом, а гением! Во-первых, главой торговцев в те времена был еще не Сквалыга, а другой, не настолько жадный человек. Поэтому деду хватило собранных денег, чтобы договориться с гильдией этих торговых торгашей. Он нашел правильный подход ко всем: общине воинов с самого начала растолковал выгоду от заключения подобного союза, ведь лайил неплохие бойцы, поэтому те его даже поддержали. Охотники всегда проявляли безразличие к делам города, а гильдии Порхающих и Целителей уговорились довольно просто. Труднее всего пришлось с простолюдинами и учениками эльфийских чародеев...

— Народ вас боится?

— Ну так среди них же в основном малообразованные крестьяне, для которых любимое развлечение — пугать своих детей байками про лайил. Дисциплина, понимаешь, чтоб ее мантикора три раза переварила. Ты помнишь, как сама струхнула при нашей первой встрече? Предубеждения, суеверия и все такое прочее... В общем, дедуля помыкался с ними, помаялся, да и бросил бесполезное занятие. Переключился на чародеев...

— И?.. — Я жадно подалась вперед всем телом, вникая в рассказ воительницы, ибо во мне проснулось неумное любопытство.

— Честно говоря, я сама еще не полностью разобралась в той темной истории, — нехотя призналась Ребекка. — В те годы главной среди человеческих чародеев стала Сильвана, ну, та легендарная девица, останки которой мы недавно похоронили в заброшенной эльфийской Библиотеке. Признаюсь, теперь мне стало понятно кое-что из того, чего я раньше не понимала.

— Тогда рассказывай! — хором закричали мы с Беониром.

— Хорошо, — кивнула лайил. — Возможно, сегодня и правда пришел срок пролить свет на эту аферу. Итак, мой дед, будучи неглупым и весьма честолюбивым молодым человеком, мечтал обо всех тех благах, которые не достались ему от рождения. Поселившись вместе с людьми в эльфийской столице, лайил занимали низшую социальную ступень. Кстати, расположенную гораздо ниже той, которую облюбовали вы, — ее палец неприязненно уперся в грудь растерявшегося Беонира, — ведь ниуэ были самыми близкими друзьями и помощниками Перворожденных. Лайил люто завидовали ниуэ и поклялись любой ценой изменить установившийся порядок — даже, если придется, с помощью лжи, предательства и убийств. Мой дед происходил из самой скромной семьи, его отец работал городским золотарем¹. Да, — она картинно усмехнулась мне в лицо, — во мне нет ничего благородного, так и знайте. Но молодому Финдельбергу повезло, ибо судьба, отказав ему во многом, словно в качестве компенсации наделила его ослепительно прекрасной внешностью. Он обладал статной фигурой, прекрасным лицом эльфийского принца и ничуть не походил на всех остальных тварей-лайил. Вот эта-то красота и явилась первоисточником всего. Финдельбергу удалось очаровать человеческую девушку — сестру короля Джоэла, жрицу Чаншир. Они стали любовниками, но обезумевшая от страсти жрица мечтала о большем, ибо ждала от Финна ребенка, а отпрыску королевской крови не пристало носить клеймо незаконно-рожденного бастарда. Примерно в то же время магичка Си-

¹ Золотарь — чистильщик отхожих мест.

львана, сестра Чаншир, полюбила короля Полуденных эльфов — Адсхорна. Принц Родрик, науськанный хитроумным Финдельбергом, сумевшим втереться в доверие к самому юному члену королевской семьи, грязно оскорбил сестру Адсхорна — Повелительницу мантикор Эврелику. Гордый эльфийский король вызвал принца на дуэль и убил. Тогда Сильвана отвернулась от своего недавнего возлюбленного и поклялась отомстить за младшего брата. Но так звучала официальная версия событий... На самом же деле Чаншир, по-черному завидуя успехам и могуществу сестры, используя снадобья, принесенные Финном из эльфийских подземелий, сварила отворотное зелье и подпоила Сильвану. Испив отравы, чародейка смертельно возненавидела повелителя морского эльфийского клана, мгновенно позабыв о связывающей их страсти. А их старший брат, король Джоэл, тем временем страдал от неразделенной любви к Эврелике... Влияние сестер оказалось так велико, что Джоэл не устоял — он внял их советам, решив начать войну и завоевать красавицу-эльфийку силой оружия. Нет, он никогда не осмелился бы на этот рискованный шаг, если бы вездесущий Финн не добыл нечто, обеспечившее им помощь богини Банрах. Каким-то образом они сумели устранить Неназываемых и бога Шарро. И не смотрите на меня так умоляюще, — Ребекка виновато развела руками, — я не знаю, как именно это случилось. Даже будучи на смертном одре, дед так и не раскрыл мне свой последний секрет. Он унес его с собой в могилу... Так или иначе, с помощью богини люди победили. Арцисс, король Полуночных, погиб, а остатки эльфийских кланов исчезли из Блентайра. Сильвана завладела жемчужинами, в которые превратились слезы Эврелики, пролитые ею над телом погибшего супруга, и стала главой гильдии Чародеев, заняв Звездную башню и нажив себе кучу врагов. Правда, верховный маг Лаллэдрин успел сотворить нечто колоссальное, и в покоях башни появились странные зеркала, пропускающие в цитадель только чародеев.

При этих словах я напряглась всем телом, понимая, что услышала нечто особенно важное, ибо помнила странные зеркальные завесы, прикрывающие входы в покои башни.

— Но за волшебными слезами, — продолжала Ребекка, —

охотились все: жрецы, Финдельберг, король Джоэл, и поэтому Сильвана спустилась в подземелье, намереваясь понадежнее спрятать реликвию... Это всего лишь мои домыслы, но ведь они подтверждены недавно открывшимися фактами, не так ли? Чародейка трагически погибла, и никто уже не смог найти ее тело или раскрыть секрет ее исчезновения, и вот совсем недавно мы с вами обнаружили эти пресловутые останки... Финн получил титул лэрда и стал мужем Чаншир, а потом у них родилась Эйбро, которая позже стала моей матерью. Не знаю, кто был моим отцом, но толика крови лайил дала нам обоим завидное здоровье и долголетие. Дед исполнил свою давнюю мечту и изменил социальное положение всех лайил, за это его и прозвали Законником... — Она судорожно сглотнула и замолчала.

— Потрясающе! — изумленно выдохнул Беонир.

— Но ведь и это еще не все? — осторожно спросила я.

Воительница растянула губы в широкой улыбке:

— О да, не все. Дед неоднократно посещал заброшенные подземелья, стремясь вынести оттуда эльфийские артефакты. Именно там он и нашел золотые риели, так удачно использованные им для подкупа гильдий. В момент Аррандейского сражения он находился в Немеркнушем Куполе, охраняя главную святыню города. Внезапно там появился чародей Лаллэдрин, намеревающийся изъять раритет, доверенный эльфам, согласно легенде, самими Неназываемыми. Говорят, что тот, кто владеет Колоколом Судьбы, способен управлять всем миром, а также жизнью и даже смертью любого существа. Финн и Лаллэдрин сошлись в смертельном поединке. Оба получили страшные ранения. В итоге чародей все-таки сумел создать пространственный портал и перебросил Колокол в никому не известное место. Колокол затерялся на просторах Лаганахара, а сам маг, истекая кровью, из последних сил отступил, сбежав прочь из города. Полагаю, он сумел-таки пробраться к своим и помог Эврелике унести с поля боя тело геройски павшего Арцисса. Больше мне ничего неизвестно! — Ребекка жадно отпила из фляги, смачивая пересохшее горло.

— А мы? — поинтересовался Беонир.

— Вы!.. — Девушка злорадно расхохоталась. — Наверняка

тебе сообщили, будто ниуэ отважно сражались, до последнего вздоха защищая своих хозяев? Полагаю, я не ошибаюсь в своих предположениях!

Юноша согласно кивнул.

— Сражались, — издевательски протянула лайил, — да только не все... Некоторые из вас струсили и позорно сдались в плен. Так у людей появились рабы-псы...

Лицо Беонира разочарованно вытянулось.

Я задумчиво смотрела в небо, интуитивно понимая: Ребекка не врет, она просто недоговаривает, намеренно скрывая от нас какую-то чрезвычайно важную деталь этой истории. Но вот о чем именно она умолчала? И главное, зачем это сделала?

Рассказ Ребекки странным образом изменил наши отношения, став тем тонким прутиком, который упал на каменную плотину сдержанного отчуждения, до сих пор проскальзывающего между нами, сломал ее и сблизил нас духовно. Плотина молчания рухнула, сметенная хлынувшим потоком откровений, воспоминаний и озвученных размышлений. Каждый из нас словно стремился поделиться с остальными частичкой собственной души. Тщательно скрываемые тайны оставались прежними и незыблемыми, но все равно мне начинало казаться, что эти двое способны стать моими самыми искренними и надежными друзьями. Человеческая душа устроена совершенно непостижимым образом: мы обижаемся на других лишь в том случае, когда сами хотим быть обиженными. И более того, обманываемся в окружающих людях аналогичным образом — желая быть обманутыми. Хотя в тот день мне не хотелось думать о лжи и лицемерии, ведь я едва научилась доверять жизни и надеяться на лучшее...

Впрочем, судьба редко идет на мировую, а потому меня ожидало еще много ужасных разочарований, обид, сладостных побед и невероятных открытий. Но если бы меня спросили тогда, согласна ли я добровольно отказаться от поджидающих невзгод и испытаний, обменяв их на безоблачную, серую и спокойную жизнь, я бы чистосердечно ответила: «Нет, никогда и ни за что!» Я верила в свою счастливую звезду и не желала себе иной доли.

Наши разговоры продолжались весь день, то ненадолго прерываясь, то опять вспыхивая с новой силой. Беонир на ходу сверился с картой и без особой радости сообщил, что мертвые поля скоро закончатся и на смену им придет огромная, труднопроходимая вересковая равнина, которая тянется до самого Зачарованного побережья. А ближние подступы к краю морских эльфов и вовсе изобилуют искусно скрытыми ловушками и западнями, делающими те места куда более опасными, чем облюбованный разбойниками торговый тракт. И если мы не хотим влипнуть в неприятности, то пора позабыть о болтовне и шуточках. Надо держать ухо востро, а оружие должно быть под рукой.

Ниуэ оказался абсолютно прав. Дорога, круто вильнув вправо, обогнула холм с остатками какого-то древнего строения и резко нырнула в заросли вереска. Ошеломленные столь неожиданной сменой пейзажа, мы невольно затаили дыхание и сбавили шаг. Вокруг нас, куда ни кинь взгляд, не наблюдалось ни единого деревца, здесь рос только однообразный колючий кустарник, раскинувшийся по обе стороны изрядно сузившейся дороги. Запутанные ветви так и норовили вцепиться в нашу одежду и волосы. Моему бурному воображению, раскалившемуся под воздействием необычной обстановки, вереск казался мистическим одухотворенным существом, преднамеренно пытающимся уберечь меня от необдуманного шага и буквально вопиющим: «Стой, не ходи дальше, это опасно!» Но, увы, фатальное предначертание и собственное безмерное любопытство неуклонно вели меня вперед, с каждым шагом приближая к тому событию, которое должно было невообразимо перевернуть всю мою последующую жизнь...

Тем вечером мы решили не лениться и потратили немало времени на обустройство комфортного места ночевки. Единственным приемлемым вариантом мне показалась идея расположиться прямо посреди дороги, но Ребекка категорически воспротивилась такому предложению, заявив, что не желает заканчивать жизнь под копытами лошади какого-нибудь странника. В итоге она сама же и пострадала, поскольку ей пришлось мечом расчищать небольшую полянку, безжалостно вырубая глубоко вросший в землю вереск под корень.

В качестве поощрения девушка выделила себе двойную порцию мяса, а едва донесла голову до лежанки, уснула мертвым сном. Мы же с Беониром расположились возле костра, продолжая начатый во время ужина разговор.

— Беонир, почему вы оба ничего мне не рассказываете? — Я очень хотела разговорить печального ниуэ, заставить его поделиться своей болью. — Почему ты такой хмурый?

— Йона, ты чрезвычайно отзывчивая девочка, а потому принимаешь все чересчур близко к сердцу. — Юноша с трудом выдавил из себя улыбку, которая конечно же получилась натянутой и кривоватой. — Скажем прямо, я сам нарвался на грубость. Прихожу к закономерному выводу: среди скрытных и замкнутых лайил не приветствуется излишняя забота о ближнем. Их девиз звучит примерно так: «Не суй свой длинный нос в чужие дела»... Ну или что-то в этом роде. Во всяком случае поведение Ребекки заставляет меня думать подобным образом.

— Но что случилось, ты можешь мне сказать? Или я спрошу у нее.

— Умоляю, только не вздумай обсуждать это с Ребеккой! — отчаянным шепотом воскликнул ниуэ, выразительно поводя подбородком в сторону спящей девушки. — По-моему, она и так уже заплатила слишком высокую цену за свой отпуск... Но, может быть, я просто страдаю излишней мнительностью? Или, вернее, мне очень хочется надеяться, что я ошибаюсь...

— Заплатила высокую цену? — Мне не терпелось продолжить расспросы, но юноша уже перекатился на другой бок, повернувшись ко мне спиной и демонстративно закрыв глаза. Он явно отказывался от возобновления беседы, ему неприятной. Пришлось поневоле прикусить свой любопытный язык и замолчать. Постепенно веки мои отяжелели, и я заснула...

Не знаю, отчего и почему я проснулась. Возможно, причиной внезапного пробуждения стал даже не какой-то четкий звук, а тонкий, почти не слышимый ухом свист, прозвучавший на самой грани моего восприятия. Восприятия, присущего скорее эльфу, чем человеку. Так или иначе, я просну-

лась резко и спонтанно, мгновенно распахнув ресницы и ощущая себя совершенно здравомыслящей и дееспособной. Долгого, тягучего, будто кисель, пробуждения не было и в помине. Я приподнялась на одно колено, пытливо всматриваясь в обволакивающую нас темноту. Костер давно погас, превратившись в горку темной золы. Ночной ветер нес холод и некий слабый, сладковато-горький запах. Не отдавая себе отчета в собственных ощущениях и не имея никакого опыта, я все-таки могла с уверенностью заявить — так пахнет только кровь, причем обязательно человеческая и свежепролитая. Мое сердце страдальчески затрепетало, уловив испуганные эманации чьей-то отлетающей из тела души. Сомнений не оставалось: где-то совсем близко, рядом со мной, в данный момент убивают невинных людей, застигнутых врасплох. Убивают несправедливо и безжалостно. Со сдавленным рыком возмущения я буквально взвилась на ноги, пребывая во власти непонятной силы, горячими струями растекающейся по моим мышцам.

— Йона! — бдительно встрепелась Ребекка, взирая на меня огромными, осоловело расширенными спросонья глазами. — Что с тобой?

— Что случилось? — Беонир лениво приподнял голову с сумки, заменяющей подушку, и отводя от лица спутанные пряди волос.

Никак не отреагировав на их вопросы, я чудовищным прыжком покинула место нашей стоянки и канула в темноту. Меня вели интуиция и Голос, призывно стучащий в голове: «Поспеш, иначе станет слишком поздно!»

Я бежала совсем недолго. Преодолела узкую лощину, вскарабкалась на вершину близлежащего холма и затаилась за обломком невесть как очутившейся здесь каменной колонны, удачно поваленной на бок и создающей удобное прикрытие. Место, вполне подходящее для маскировки потенциального убийцы или присланного судьбой спасителя. Вот только сегодня провидение промахнулось, ведь именно мне предстояло сыграть роль отважного героя, хотя подобная миссия никак не вязалась с моим скудным воинским опытом и субтильным телосложением. Тем не менее выбирать не приходилось.

Представшее передо мной зрелище поражало своей чудовищностью. На небольшой полянке, идеальной копии нашего бивуака, вырубленного в вересковой чащобе, валялась опрокинутая кибитка — бедная и повидавшая виды, обтянутая выбеленной от непогоды воловьей кожей.

«В таких скромных повозках обычно передвигаются торговцы из тех, что победнее, а то и вовсе полунищие старьевщики, — подсказал мне Голос. — Тьма знает, что могло здесь понадобиться этим путникам. Обычно все имущество подобных бедняков заключается в нескольких пригоршнях засохших фасолевых зерен и паре кувшинов чистой питьевой воды, выставленных на обмен. А что можно за них получить? В лучшем случае кусок грубого полотна и миску кукурузной каши. Но некоторые живут и этим...»

Присев за обломком колонны, я внимательно слушала сбивчивый шепот, звучащий в сознании и направляющий сейчас мою волю и разум. Одним лишь Неназываемым известно, что ценного могло скрываться в драной кибитке, раз на нее напали столь сильные враги. А противники, с которыми мне предстояло схватиться, и в самом деле могли напугать кого угодно...

Выглядывая из ниспосланного судьбой укрытия, я сначала насчитала три темные, мастерски замаскировавшиеся в вереске тени, но потом с ужасом обнаружила еще троих разбойников, обошедших повозку с тыла и взявших ее в смертельный захват. У несчастных путников не было ни единого шанса вырваться из захлопнувшейся ловушки. Возле перевернутой повозки уже лежали двое людей, не подающих признаков жизни: дюжий мужчина в домотканой одежде и гибкий юноша в жилете, расшитом характерными для гильдии Охотников медными бляшками с изображениями животных. Уж если даже они не сумели противостоять шестерке теней, то что могла сделать я — слабая девочка, не воин и почти не чародейка? Но все-таки я без колебаний бросилась на помощь, не задумываясь о последствиях своего поступка. Меня вело предназначение!

Извиваясь словно уж, я ползла между колючими вересковыми ветвями, стремясь настигнуть первую тройку душегубов, скрывающихся под сенью развесистого куста. Вплотную

прижавшись к земле, я смогла различить их поджарые тела и уловить приглушенный шепот.

— Он остался один! — сухо констатировал первый разбойник, облаченный в черный костюм наемного убийцы. — Я сумел рассмотреть его через прорехи в пологе кибитки.

— Старик, — лаконично сообщила вторая тень, — но еще крепкий и жилистый. К тому же он отлично стреляет из арбалета, едва не зацепил Хо-Ло.

— Да, — коротко подтвердил тот, кто носил вышеупомянутое прозвище, резанувшее мне слух своим непривычным звучанием. — И-Мал прирезал его помощника, а Ра-Ро убил мальчишку-проводника, но сам старьевщик успел забиться в кибитку, укрылся за прочными сундуками и теперь отстреливается. Пора с ним кончать.

— Пора! — властно откликнулась другая тень, похоже, наделенная статусом командира отряда. — Старика убить, а повозку сжечь со всем содержимым. Так приказала владычица Банрах!

Услышав имя змееликой, я вздрогнула всем телом. Так вот, значит, кто стоит за этими расчетливыми убийцами. Оказывается, сама Банрах отрядила шестерку безжалостных искусных бойцов для уничтожения старика, слуги и мальчика! Ничего не скажешь, «благородная» миссия им поручена... Но зачем понадобилось великой богине убивать какого-то нищего торговца? Сложно понять ее замысел...

В этот самый момент ночное светило случайно выглянуло из затягивающих небо туч, отлично осветив вересковую пустошь. Мне оказалось достаточно одного мимолетного взгляда на приспешников богини, чтобы сердце панически екнуло и камнем провалилось куда-то ниже желудка. В тенях-разбойниках я безошибочно опознала самых страшных тварей нашего мира, а именно — узкомордых зубастых котов-лайил, чьи налитые кровью глаза горели голодным огнем. Смогу ли я потягаться с шестеркой прирожденных убийц, намеревающихся любой ценой исполнить волю своей богини?.. И все же мне придется это сделать! Я едва приподнялась, собираясь подобраться еще ближе к своим противникам, как вдруг чья-то тяжелая рука припечатала меня обратно к земле, а в

ухо жарко зашептали, требуя беспрекословного повиновения:

— Лежи на месте, малышка! Замри и не шевелись, если жизнь тебе еще дорога!

Я потрясенно обернулась...

Бесшумно подкравшаяся сзади Ребекка ласково погладила меня по голове, приминая растрепавшиеся от ветра волосы. Слева от нее белозубо улыбался Беонир, натягивая тетиву своего лука.

— Начинаем на счет «три»! — властно распорядилась воительница. — Успокойся, малышка, я вижу их ничуть не хуже тебя. Скажи, Йона, ты сможешь метнуть стилет вон в того наемника? — Ее палец указал на предназначенную для меня жертву. — Не испугаешься, не промахнешься? Помни, сейчас ты не на тренировке находишься, здесь нельзя ошибиться!

Вместо ответа я до крови закусилла нижнюю губу и решительно кивнула.

— Раз... — начала отсчет Ребекка, кончиками пальцев легонько зажав лезвие кинжала и заноса его над своим плечом. — Два...

Угрожающе вжикнула скользнувшая по тетиве стрела, повинувшись нажиму Беонира, а я точно скопировала позу лайил, приготовившись метнуть эльфийский клинок.

— Три!

Кинжал воительницы, мой стилет и стрела ниуэ падающими звездами сорвались с наших рук и успешно достигли намеченных целей. Трое наемников захрипели и повалились замертво, не успев нанести ответный удар. К сожалению для нас, командир лайил оказался слишком опытным бойцом: умирая, он издал гортанный вскрик, привлекая внимание второй, уцелевшей тройцы убийц. Уже не скрываясь, враги торопливо покинули свое укрытие и бегом устремились к нам. Воздух вокруг их фигур засеребрился, наливаясь неестественным сиянием.

— Берегитесь! — закричала Ребекка. — Это магия богини, теперь им не страшны наши стрелы. Держи, блохастый! — Она ловко перекинула Беониру один из своих акинаков. — Покажи, на что ты способен!

Беонир пронзительно завыл, злобно оскалив крепкие зубы.

— Йона, — продолжала командовать воительница, — держись сзади нас, не лезь вперед!..

Я только собралась согласно кивнуть, как вдруг Лед сам собой выскочил из ножен и буквально впечатался в мою правую ладонь, облив ее невыносимым холодом. В глазах у меня потемнело, кровь бросилась в голову, и, не соображая, что делаю, я прыгнула на врагов, отпихнув Ребекку и Беонира. Краем уха я еще успела услышать, как гневно закричала упавшая в колючий кустарник девушка, как грязно выругался ниуэ, но уже ничего не могла с собой поделаться. На меня налетел высокий мощный воин-лайил, сжимающий в руке обнаженную саблю-кастане, и наши клинки столкнулись, высекая сноп огненных искр, ярко осветивших ночной полумрак.

Так уж получилось, что в тот момент я не искала свою судьбу.

Она нашла меня сама.

ГЛАВА 2

«Дай людям больше, чем они от тебя ждут, причем сделай это с радостью. Поступай именно таким образом, если хочешь, чтобы тебя считали настоящей личностью», — так учил брат Флавиан. Но сегодня, в пику всем изречениям своего мудрого наставника, я не испытывала ни капли радости от проявляемого самопожертвования, отлично понимая, какому огромному риску я подвергаю свою жизнь, вступив в неравный поединок. От натиска клинка лайил — к счастью, довольно успешно принятого мной на лезвие Льда, — меня чуть не отбросило в сторону, настолько мощным оказался наскок ночного убийцы. Я пошатнулась и сделала шаг назад, едва удержавшись на ногах. Губы твари, виднеющиеся из-под края прикрывающей лицо полумаски, изогнулись в глумливой ухмылке. Лайил и в самом деле оказался отменным бойцом: не тратя время на ненужные разговоры и упоение собственным превосходством, он попытался немедленно закре-

пить уже достигнутый успех. Сабля наемника взлетела над его головой, готовясь упасть отвесно вниз и нанести мне сокрушительный удар, просто обязанный стать смертельным.

Оставаясь всего лишь самой собой, я бы непременно потерпела поражение, будучи намного слабее этого профессионального бойца. Но сегодня убийцу ожидал весьма неприятный сюрприз, ведь внутри моего тела внезапно ожила душа великого короля Арцисса, которая неудержимо рвалась в бой. Отклонившись назад всем корпусом, я присела и легко переместилась влево, пропустив над головой громко свистнувший клинок противника. Челюсть твари, не ожидавшей подобной прыти от неловкой худенькой девчонки, недоуменно отвисла...

Пользуясь возникшим замешательством, я махнула тяжелым Льдом, пытаясь подсечь противника под коленями. Наемник пришел в себя и подпрыгнул, но проделал это недостаточно быстро — кончик моего меча зацепил-таки его правую ногу, и вереск обагрился брызгами темной крови. Тварь завывала от острой боли и покачнулась, теряя равновесие... Падая вперед, убийца вложил в колющее движение клинка весь вес своего мощного тела, намереваясь пригвоздить меня к земле, как будто я была хрупкой, беззащитной бабочкой. Но он просчитался... Я действительно находилась на траектории его атаки, увлеченная поступательным замахом своего клинка, ощутимо оттягивающего мои руки, однако при этом совершила совсем не то, чего ожидал от меня лайил.

Я понадеялась на эффект неожиданности и не ошиблась. Почти замороженная стремительным приближением острого лезвия, я не попыталась остановиться и отпрянуть назад, что не удалось бы мне в любом случае, а наоборот — усилила свое падение, ловко перекатившись вперед и уходя из-под меча противника. Лезвие кастане рассекло край моей пелерины и глубоко воткнулось в землю... Перекувыркнувшись через свой меч, я упала на колени и изо всех сил замахнулась им назад, чуть ли не по самую рукоять вогнав Лед в спину напавшей на меня твари.

Наемник глухо взвыл и обмяк, испуская дух. Я выпустила меч из рук и дрожащей ладонью утерла пот, обильно струящийся по лбу. Грудь ходила ходуном, а сбивчиво колотящее-

ся сердце так и норовило выпрыгнуть из груди. Меня трясло в ознобе и подташнивало. Если кто-то считает, что убивать врагов — легкое и приятное занятие, то пусть не спорит, а просто попробует сделать это сам...

Невзирая на всю напряженность текущего момента, я не могла выбросить из головы мысли о странной трансформации, произошедшей с моим мечом. Испив крови врага, Лед изменился. Его лезвие налилось холодным синеватым свечением и распространяло вокруг себя волны жуткой стужи, а где-то внутри благородной стали что-то гулко и ритмично застучало.

«Неужели сердце? Неужели Лед пробудился от долгого сна и вернулся к полноценной жизни? А если у него и душа есть?» — От подобной мысли меня бросило в суеверную дрожь.

— Йона, берегись! — Громкий крик Беонира вывел меня из задумчивости.

Повинуясь интуиции, я не стала подниматься на ноги, а рухнула плашмя на живот, пропуская над своими лопатками свистнувшую в воздухе саблю второго наемника. Ниуэ с рычанием налетел на моего несостоявшегося убийцу, и они покатались по земле, сплетаясь в клубок. Рядом беспрестанно ругалась Ребекка, схватившаяся с третьей тварью. Каким-то шестым чувством поняв, что они и без меня справятся с доставшимися им неприятелями, я отвлеклась от своих спутников, вскочила и метнулась к перевернутой кибитке.

— Не стреляйте! — отчаянно взывала я, помня о засевшем внутри нее арбалетчике. — Я ваш друг!

Я вскарабкалась на стенку ветхого, сплетенного из ивовых прутьев короба и, приподняв изношенный полог, заглянула в недра убогой повозки. В кибитке царил густой сумрак. На ощупь пробираясь между какими-то угловатыми, разбросанными там и сям предметами, я настырно ползла в глубь кибитки, разыскивая ее несчастного хозяина. Наконец мои пальцы наткнулись на что-то мягкое, мокрое, теплое... Я отчаянно заскрипела зубами, ухватилась за складки протестующе затрепавшей ткани и потянула ее на себя, пытаясь к выходу.

Спасаемый мною человек весил немало, и в одиночку я

бы точно никогда с ним не справилась, но мне продолжало везти: в кибитку внезапно просунулись четыре сильные руки, дружно подхватившие почти неподъемный для меня груз и благополучно вытащившие его наружу. Уложенный на обломки вересковых веток, наш старьевщик оказался чрезвычайно благообразным стариком, лишней вес которого, а также одутловатое лицо и обрюзгшая фигура объяснялись скорее не пристрастием к чревоугодию, а наличием какой-то болезни, схожей с водянкой.

— Уф-ф-ф! — шумно отдувался усталый Беонир, бережно ощупывая свою рассеченную бровь. — Сам не понимаю, как я сумел ухайдакать того зубастого кота. Как вспомню его бешеные глаза, так до сих пор мороз по коже.

— Дуракам везет! — язвительно хмыкнула Ребекка, с любопытством склоняясь над спасенным старьевщиком. — До поры до времени, конечно. — Но в ее делано грубоватом голосе прозвучала совсем не насмешка, а неподдельная радость. — И чего, спрашивается, они так усиленно гонялись за этим толстяком?

Я недоуменно пожала плечами, торопливо ощупывая тело злополучного старика. К несчастью, мне хватило одного взгляда, чтобы понять — его уже не излечить. Здесь не помогут даже мои целительские чары. Кроме глубокой колотой раны на шее, ставшей причиной огромной и уже невосполнимой кровопотери, на теле бедолаги насчитывалось еще не менее пяти травм, по крайней мере три из которых были смертельными. Я достала из сумки Ребекки флягу с водой и смочила губы умирающего. Он медленно раскрыл мутно-голубые глаза и с трудом сконцентрировал на мне взгляд, понемногу обретший осмысленное выражение.

— Ты, ты... — Из горла старика вырвался нечленораздельный хрип. — Ты пришла... Они не успели ее забрать... Возьми то, что принадлежит тебе по праву, и носи у себя на теле, храни ее в тепле...

— Ее? — удивленно переспросила я. — Кого — ее?

— В сером сундуке... Она завернута в шерстяную тряпицу, она тебя ждет... — Зрачки говорящего закатились, изо рта хлынула смешанная с пеной кровь. Я наклонилась ниже, почти прижавшись ухом к его бледнеющим губам. —

Небо... — шептал старик. — Верни их в небо... — Его кадык натужно дернулся, пальцы, цепляющиеся за мои руки, разжались.

— Умер, — печально констатировала Ребекка. — Вот Тьма! Йона, ты что-нибудь поняла из его бреда?

Я растерянно покачала головой:

— Немногое. Но я уловила главное. В кибитке хранится нечто важное — то, что хотела заполучить богиня Банрах, да не смогла, ибо это нечто предназначается для меня. Интересно, кто подразумевался под словом «она»?

— Наверное, ты? — неуверенно предположила лайил, однако я с ней не согласилась. Речь старика была сумбурной, но я уловила, что он явно имел в виду не меня, а кого-то другого. Хм, вот только кого конкретно?

Мы собрали свое оружие, оттащили трупы убитых тварей подальше в кусты, а потом долго рыхлили и долбили промерзшую землю, выкопав в итоге неглубокую яму, в которую и сложили тела погибших людей. Перед этим я, воровато оглянувшись, тайком срезала с жилета мертвого охотника несколько медных бляшек, сама не понимая, зачем они мне понадобились, и убрала к себе в карман. Я произнесла над могилой несколько прощальных слов, коротким заклинанием залечила бровь Беонира, а затем принялась целенаправленно обследовать заваленную рухлядью кибитку, усугубляя тамошний и без того впечатляющий бардак.

Искомый серый сундук обнаружился под грудой полуогнивших тряпок непонятного назначения. Вообще кибитка старьевщика произвела на меня чрезвычайно неприятное впечатление: тут пахло застарелым потом и экскрементами, полог держался на нескольких заскорузлых от грязи веревках, а сам деревянный остов почти рассыпался от ветхости. Между оглоблями кибитки мы нашли тело старой, жутко заезженной клячи, погибшей от стрелы, вонзившейся в правую глазницу и проникшей в мозг. Ладно хоть, несчастная лошадь скончалась мгновенно, без агонии и страданий.

Как и обещал старьевщик, серый сундук не пустовал. Его заполняли мягкие опилки, на удивление чистые и сухие, среди которых удобно угнездился продолговатый, завернутый в шерстяную тряпицу предмет. Я осторожно развернула зага-

дочный сверток, и на мою ладонь выкатилось нечто твердое, овальное, излучающее мягкое серебристое сияние...

— Камень, — восхищенно выпалила Ребекка, кончиком пальца боязливо поглаживая гладкий предмет, не уступающий по размеру ее кулаку. — Огромный драгоценный камень! Наверное, опал!

— Кто опал? — не понял ниуэ.

— У тебя опал, дурак! — язвительно фыркнула воительница. — Камень так называется — опал!

— Нет, — не согласился с нею Беонир, — эта штукавина скорее похожа на плод какого-то экзотического дерева. Давайте зароем его в землю и подождем — вдруг что-нибудь да вырастет?

— Замерзнет же! — скептически опротестовала воительница. — Ерунду предлагаешь. Я уверена — это камень!

— Плод! — уперся вредный ниуэ, сварливо фыркая.

— А я говорю — камень!

— Дура!

— Идиот блохастый!

Видимо, эти двое оставались верны своим излюбленным привычкам, намереваясь устроить очередную свару.

— Не ссорьтесь, — тихонько попросила я. — Разве вы успели забыть — старьевщик велел хранить это в тепле, согревая своим телом.

— И эту-то штуку он и называл «она»? — осененно ахнула лайил. — Камень и есть «она»?

— Плод! — продолжал настаивать несговорчивый Беонир.

— А я утверждаю — камень!

Не обращая внимания на их перепалку, я задумчиво морщила лоб, пытаюсь вспомнить нечто важное. Кажется, я видела это во сне?.. Что-то ценное и прекрасное, уложенное в теплый футляр и носимое мною на шее. Футляр... Я восторженно рассмеялась и хлопнула себя по лбу. Ну конечно, футляр! А я-то никак не могла угадать назначение третьего из доставшихся мне предметов, вынесенных из заброшенной эльфийской Библиотеки. Здорово: значит, сначала я нашла футляр, а теперь то, что должно в нем храниться!

Я пошарила в сумке мага Лаллэдрина, с которой теперь не

расставалась, и извлекла из нее выложенную мехом торбочку на прочной цепочке. Загадочный камень-плод идеально поместился внутри высланного мехом футляра. Я застегнула сумочку и повесила себе на шею, укрыв под плащом. Мысленно я взывала к духу короля Арцисса, умоляя просветить меня насчет таинственной находки. Но, увы, Голос молчал, никак не напоминая о своем существовании и не расщедрившись даже на самую крохотную подсказку. Испытывая досаду и сердясь, я неприязненно передернула плечами, понимая, что близость эльфов и Зачарованного побережья надолго лишили меня помощи короля. Отныне мне придется рассчитывать лишь на себя. И чем бы ни являлся на самом деле непонятный предмет, завещанный мне погибшим старьевщиком, теперь-то эта штука точно не пропадет и не потеряется. А дальше — посмотрим.

— Ты еще не передумала? — нервно спросила Ребекка, окидывая меня странным взглядом, в котором смешались чувство вины, безмерное восхищение и стыд, окрасивший ее щеки в багровый цвет. — Еще не поздно отказаться от дерзких замыслов и вернуться домой, в Блентайр.

— Домой? — непонимающе улыбнулась я. — Так ведь я и иду к себе домой...

Ребекка испуганно вздрогнула:

— Где же твой дом, Наследница?

— Там, — я указала в ночное небо, — и еще в море. Но в первую очередь конечно же здесь, — я положила руку себе на грудь, — в душе и в сердце! И мне не терпится их заполнить, напитав надеждой, верой и любовью! Я очень хочу увидеть своих родичей. Наш дом там, где обитают дорогие нам люди!

— Посеявший несчастье — пожнет беду! — чуть слышно бормотала воительница себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь. — Но горе тому, кто не сумеет совладать с вызванной им бурей...

Мое сердце зашло от нехорошего предчувствия, ибо я осознавала, что под вызвавшим бурю безумцем она подразумевает богиню Банрах. Эту кровожадную тварь, превратившуюся в моего самого злейшего врага! Так неужели я и правда стану той, кому суждено победить змееликую, уничтожить ее жрецов и лживых чародеев, остановить Пустошь и спасти

Лаганахар? Теперь я в этом уже не сомневалась, хотя совершенно не представляла, каким образом смогу добиться столь блестящего результата. Но тем не менее именно ради этого я и шла к своим испытаниям, собирая знания, чудодейственные заклинания и прочие утраченные секреты нашего мира.

— Нас ждет Зачарованный берег, — напомнила я. — Поспешим же, друзья!

Вздыхая и сдержанно ропща, Беонир с Ребеккой нехотя последовали за мной, демонстрируя явное нежелание удовлетворить озвученную мною просьбу. Мрачные лица моих спутников выражали такую дремучую безысходность, словно я вела их на верную гибель, заставляя подниматься по ступеням эшафота. Возглавляя эту похоронную процессию, я терялась в догадках, тщетно ломая голову над причиной внезапной пасмурности лайил и ниуэ. Чего же они боялись? Клянусь именем своего любимого юноши, я не собираюсь причинять им зло! Напротив, я намереваюсь по мере сил опекать и защищать тех, к кому успела проникнуться самой искренней симпатией, и считаю Ребекку и Беонира если не друзьями, то уж точно не врагами.

Но даже эти бескорыстные намерения ничуть не разрядили напряженную обстановку и не пролили ни капли света на резкое отчуждение, спонтанно возникшее у них по отношению ко мне. Мои спутники молчали, затаившись и будто бы чего-то выжидая... Молчала и я, озадаченная и заинтригованная. Понятным было лишь одно — окружающие меня тайны множились с каждым днем, разрастаясь, как грибы после дождя, и повергая меня в близкое к шоку состояние.

Мы шли еще сутки, неуклонно приближаясь к Зачарованному побережью. Недремлющее чутье подсказывало, что вместе с этим я вплотную подхожу и к разгадке мучивших меня загадок, что скоро прояснится многое, касающееся всех нас. Но холодная судорога страха, волной пробегающая по моему позвоночнику, посылала в сознание и иной импульс: «А ты уверена, что все ответы должны быть найдены? А вдруг ты отважно заглянешь в лицо этим неведомым тайнам и тут же потеряешь рассудок, ужаснувшись темным глубинам, способным без остатка пожрать то чистое, светлое и доброе, что живет в твоей душе?»